

Оглавление

Благодарности	10
ЧАСТЬ I. ЯЗЫК И АРХЕОЛОГИЯ	13
Глава 1. Обещание и политика материнского языка	15
Предки	15
Лингвисты и шовинисты	19
Соблазн материнского языка	25
Новое решение старой проблемы	30
Исчезновение языка и мышление	34
Глава 2. Как реконструировать мертвый язык	36
Время и изменение языка	38
Фонетика: как реконструировать мертвое звучание	41
Лексикон: как реконструировать мертвые значения	52
Синтаксис и морфология: форма мертвого языка	57
Заключение: воскрешение языка	58
Глава 3. Язык и время — 1:	
последние носители праиндоевропейского	60
Размер хронологического окна:	
сколько живут языки?	61
Конечная дата праиндоевропейского:	
материнский язык сменяется дочерними	65
Анатолийская ветвь: самая старшая и самая странная дочь (или сестра?)	66
Следующие по старшинству:	
греческие и древнеиндийские надписи	73
Подсчет родственников:	
сколько их было в 1500 году до н.э.?	76
Глава 4. Язык и время — 2:	
шерсть, колеса и праиндоевропейский язык	86
«Шерстяной словарь»	86
«Колесный словарь»	93

Когда было изобретено колесо?	95
Значение колеса	103
Повозки и гипотеза об анатолийской родине	107
Рождение и смерть праиндоевропейского	116
Глава 5. Язык и место:	
родина праиндоевропейского	118
Проблематичность понятия «родина»	120
Поиск родины: экология и среда	127
Поиск родины:	
экономические и социальные условия	130
Поиск родины: уральско-кавказские связи	132
Локализация родины праиндоевропейского	139
Глава 6. Археология языка	
Устойчивые фронтеры	148
Миграция как причина устойчивости материально-культурных фронтеров	154
Экологические фронтеры: разные способы получения средств к существованию	161
Миграции малого масштаба, вербовка элиты и смена языка	166
ЧАСТЬ II. ОТКРЫТИЕ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ	
171	
Глава 7. Как реконструировать мертвую культуру	
«Три века» в Понтийско-Каспийской степи	175
Датирование и радиоуглеродная революция	177
Что же они ели?	180
Археологические культуры и живые культуры	182
Основные вопросы	185
Глава 8. Первые земледельцы и скотоводы:	
Понтийско-Каспийский неолит	188
Домашние животные и экология Понтийско-Каспийской степи	190
Первый фронтр между земледельцами и собирателями в Понтийско-Каспийском регионе	194
Земледельцы встречаются с собирателями:	
буго-днестровская культура	206
Вдали от фронта: понтийско-каспийские собиратели до появления домашнего скота	216
Боги даруют скот	222

Глава 9. Скот, медь и вожжи	.224
Эпоха ранней меди в Старой Европе	.227
Кукутень-трипольская культура	.230
Днепро-донецкая культура, II этап	.242
Хвалынская культура Поволжья	.253
Нальчик и культуры Северного Кавказа	.260
Нижнее Подонье и степи Северного Прикаспия	.262
Лесной фронтир: самарская культура	.264
Коровы, общественная власть и появление племен	.266
Глава 10. Одомашнивание лошади и происхождение верховой езды: повесть о зубах	.268
Где были впервые одомашнены лошади?	.272
Зачем были одомашнены лошади?	.277
Что такое домашняя лошадь?	.279
Потертости от удила и верховая езда	.286
Индоевропейские миграции и потертости от удила в Деревке	.296
Ботай и верховая езда в эпоху энеолита	.299
Происхождение верховой езды	.306
Экономические и политические последствия верховой езды	.308
Глава 11. Конец Старой Европы и подъем степи	.313
Войны и союзы: кукутень-трипольская культура и степь	.320
Среднестоговская культура: лошади и ритуалы с востока	.334
Миграции в долину Дуная: суворово-новоданиловский комплекс	.347
Война, изменение климата и смена языка в Нижнем Подунавье	.359
После коллапса	.361
Глава 12. Предпосылки перемен на границах степей: майкопские вожжи и трипольские поселения	.365
Пять культур последней стадии степного энеолита	.368
Кризис и перемены на трипольском фронтире: поселки крупнее городов	.382
Первые города и их связь со степью	.389
Предкавказье: энеолитические земледельцы до Майкопа	.393
Майкопская культура	.395

Степные памятники майкопско-новосвободненской культуры: контакты с севером	.407
Праиндоевропейский как региональный язык в меняющемся мире	.412
Глава 13. Степные жители повозок:	
носители праиндоевропейского языка	.414
Почему не курганная культура?	.422
По ту сторону восточного фронта:	
афанасьевская миграция на Алтай	.424
Степные погребения с повозками	.430
Где появился ямный горизонт?	.437
Когда появился ямный горизонт?	.442
Были ли ямники кочевниками?	.443
Социальная организация ямников	.451
Каменные стелы Понтийско-Каспийской степи	.463
Глава 14. Западные индоевропейские языки	
Конец кукутень-трипольской культуры и корни западных индоевропейских ветвей	.472
Степные сюзерены и их трипольские клиенты: усатовская культура	.479
Миграция ямников вверх по Дунаю	.494
Контакты ямников с горизонтом шнуровой керамики	.503
Происхождение греческого	.505
Заключение: ранние западные индоевропейские языки распространяются	.506
Глава 15. Воины-колесничие северных степей	
Конец лесного фронта: скотоводы культуры шнуровой керамики в лесах	.516
Досинташтинские культуры восточных степей	.525
Истоки синташтинской культуры	.531
Война в синташтинской культуре: оборонительные сооружения и оружие	.536
Турниры ценностей	.552
Синташта и происхождение ариев	.556
Глава 16. Открытие евразийских степей	
Империи бронзового века и торговля лошадьми.	.563
Бактрийско-маргианский археологический комплекс	.575

Открытие евразийских степей	.590
Срубная культура: скотоводство и собирательство в западных степях	.591
К востоку от Урала, фаза I: петровская культура	.595
Сейминско-турбинский горизонт лесостепной зоны	.599
К востоку от Урала, фаза II: андроновский горизонт	.604
Протоиндические культуры в среднеазиатской контактной зоне.	.609
Степи становятся мостом через Евразию	.615
Глава 17. Слова и дела	.616
Лошадь и колесо.	.618
Археология и язык	.623
Приложение. Заметки автора о радиоуглеродной датировке	.628
Литература	.632

Благодарности

Эта книга не была бы написана, если бы не любовь и поддержка моих родителей — Дэвида Ф. и Лоры Б. Энтони. Лора Энтони прочитала и прокомментировала всю книгу, главу за главой. Бернард Уэйлс привлек меня к сотрудничеству с Пенсильванским университетом, дал возможность участвовать в моих первых раскопках и научил уважать факты археологии. В лице Доркас Браун я нашел партнера, редактора, критика, коллегу, соруководителя раскопок, директора лаборатории, иллюстратора, жену и лучшего друга в горе и в радости. Она многократно редактировала каждую из глав этой книги. Ею же выполнены все карты и иллюстрации. Содержание глав 10 и 16 по большей части отражает результаты нашего совместного исследования, которые публиковались на протяжении многих лет. Брат Доркас, доктор Бен Браун, также помогал с редактурой рукописи.

Исследование износа зубов, описанное в главе 10, и полевая работа в рамках проекта «Самарская долина в бронзовом веке» (глава 16) были поддержаны грантами Колледжа Хартвика, Фондов Фридмана и Фортиса, Американского философского общества, Фонда Веннер-Грен, Национального географического общества, Института археологии РАН (Москва), Института истории и археологии Поволжья (Самара) и Национального научного фонда (США), а также (в случае главы 10) Государственным университетом Нью-Йоркского колледжа сельского хозяйства и технологии в Коблскилле. Мы особенно признательны Национальному научному фонду (NSF).

Работа над этой книгой была поддержана стипендией Национального фонда гуманитарных наук (1999–2000) и членством в

Школе исторических исследований Института перспективных исследований (IAS) в Принстоне, Нью-Джерси (2006), куда нас пригласили Никола Дикосмо и Патрисия Кроун. Семестр, проведенный в IAS, имел решающее значение.

Перечислю тех, кто оказал мне самую разнообразную поддержку.

По вопросам, связанным с Ближним Востоком и Восточной Азией: Кэти Линдафф, Виктор Мер, Оскар Маскарелла, Карен Робинсон, Крис Торнтон, Лорен Цых, К.Ч. Ламберг-Карловски, Фред Хиберт, Фил Коль, Грег Поссел, Гленн Шварц, Дэвид Оуэн, Митчелл Ротман, Эмми Банкер, Никола Дикосмо и Питер Голден.

По вопросам, связанным с лошадьми и колесным транспортом: Декстер Перкинс и Пэт Дейли, Шандор Бёкёни, Сандра Олсен, Мэри Литтауэр и Йост Крауэл (мои консультанты по древнему транспорту), а также Питер Роулинг, Норберт Бенеке и Минди Зедер.

По вопросам износа резцов и эксперименту с верховой ездой: Минди Зедер, Рон Кипер, Бюро земельного управления в Уиннемаке (Невада), Ветеринарный колледж Корнеллского университета, Центр Нью-Болтон Пенсильванского университета, Государственный заповедник «Остров Ассатиг», а также Стив Маккензи, Стефани Скардженски и Мишель Бийэй (Государственный университет Нью-Йоркского колледжа сельского хозяйства и технологии в Коблскилле).

По вопросам лингвистики: Уорд Гуденаф, Эдгар Полеме, Ричард Дибольд, Уиннфред Леманн, Александр Лубочки, Дон Риндж, Стефан Циммер и Эрик Хэмп. Я особенно благодарен Джоанне Николс, которая помогла редактировать главу 5, а также Дж. Биллу Дардену и Джиму Мэллори, отрецензировавшим черновую версию книги.

По вопросам восточноевропейской археологии: Петар Глумац (который заставил меня поверить, что я смогу читать русскоязычные источники), Петер Богуки, Дагласс Бейли (просмотревший главу 11), Рут Трингем (благодаря ей я получил первый опыт полевой работы в Восточной Европе), Виктор Шнирельман (мой первый проводник в России), Дмитрий Телегин (впервые познакомивший меня с археологией степей), Наталья Белан, Олег Журавлев, Юрий Рассамакин, Михаил Видейко, Игорь Васильев, Павел Кузнецов, Олег Мочалов, Александр Хохлов, Павел Косинцев, Елена

Кузьмина, Сергей Кореневский, Евгений Черных, Рауф Мунчаев, Николай Виноградов, Виктор Зайберт, Станислав Григорьев, Андрей Епимахов, Валентин Дергачев и Людмила Корякова. Я особенно признателен Телегину и коллегам из Самары — Васильеву, Кузнецову, Мочалову, Хохлову и Косинцеву.

Все возможные ошибки — исключительно на моей совести; перечисленные люди приложили максимум усилий.

ЧАСТЬ I ~

ЯЗЫК И АРХЕОЛОГИЯ

Глава 1

Обещание и политика материнского языка

ПРЕДКИ

КОГДА мы смотрим в зеркало, то видим в нем не просто свое лицо, а целый музей. Хотя наше лицо в каком-то смысле действительно наше, оно представляет собой коллаж черт, унаследованных от родителей, бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек и т.д. Губы и глаза, которые нас беспокоят или радуют, принадлежат не только нам — они являются также чертами наших предков, которые как индивиды, возможно, мертвы, но все еще очень даже живы в качестве наших фрагментов. Даже такие сложные качества, как присущие нам чувство меры, музыкальный слух, скромность или восприимчивость к заболеваниям, существовали раньше. Мы все время носим с собой прошлое, и не только в своих телах. Оно живет также в наших привычках, включая то, как мы говорим. Прошлое — это невидимые очки, которые на нас всегда: сквозь них мы смотрим на мир, а мир смотрит на нас. Мы всегда стоим на плечах наших предков — неважно, смотрим ли мы вниз, чтобы увидеть их.

Приводит в замешательство мысль о том, сколь немногих из наших предков мы знаем хотя бы по имени. У каждого из нас есть четыре прабабушки — женщины, достаточно близкие к нам генетически, чтобы увидеть черты их лиц, цвет их кожи и волос каждый раз, когда мы видим свое отражение. У каждой была девичья фамилия, которую она слышала тысячи раз, но большинство из нас не вспомнит ни одну из этих фамилий. Если повезет, можно отыскать их в генеалогиях и документах, хотя войны, миграция и уничтожение записей сделали это невозможным для многих американцев.

Четверо наших прадедушек имели полные имена и фамилии и передали нам многие из наших самых личных качеств, но мы потеряли связь с этими предками настолько, что даже не назовем их имен. Многие ли из нас думают о том, что будут настолько полно забыты своими потомками уже в третьем поколении, что те не вспомнят о нас ничего, даже имен?

В традиционных обществах, где жизнь все еще выстраивается вокруг семьи, родственников и сельской общины, люди часто лучше сознают свой долг перед предками и даже власть, которой обладают их духи. Женщины народа зафиманири на Мадагаскаре выплетают сложные орнаменты на своих головных уборах, которым их научили их матери и тетки. Эти орнаменты сильно различаются в зависимости от деревни. Женщины одной из таких деревень говорили антропологу Морису Блоху, что эти узоры являются «жемчужинами, доставшимися от предков». Даже обычные дома зафиманири выглядят как храмы, посвященные духам людей, которые их построили [Bloch, 1998, p. 109]. Это постоянное признание власти тех, кто жил раньше, чуждо мышлению современных, потребительских культур. Мы живем в мире, экономическое существование которого зависит от постоянного освоения и потребления новых вещей. Археология, история, генеалогия и молитва служат теми переполненными ящиками, в которые мы отправили наши мысли о прежних поколениях.

Археология является способом признания человеческого достоинства и значимости людей, живших до нас, и, косвенным образом, нас самих. Это единственная дисциплина, которая изучает повседневную ткань прошлых жизней, не описанных в текстах, — жизней, прожитых подавляющим большинством людей. Археологи извлекают удивительно интимные подробности из молчаливых останков дописьменного прошлого. Но наше знание о людях, не оставивших письменных свидетельств насчет своих мнений, своих бесед, своих имен, имеет границы.

Существует ли способ преодолеть эти границы и реконструировать ценности и верования, игравшие ключевую роль в образе жизни доисторических людей? Не оставили ли они ключей в каком-то другом медиуме? Многие лингвисты считают, что оставили и что этот медиум — язык, которым мы пользуемся каждый день. Наш язык содержит великое множество окаменелостей — следов и останков тех, кто говорил в глубокой древности. Учи-

теля говорят нам, что эти языковые окаменелости суть «неправильные» формы, и мы просто заучиваем их, не задумываясь. Все мы знаем, что в английском языке прошлое время глагола обычно образуется путем добавления к нему суффикса *-t* или *-ed* (*kick-kicked, miss-missed*) и что некоторые глаголы требуют изменения гласного в середине корня (*run-ran, sing-sang*). Однако нам редко говорят, что это изменение представляет собой более древний, первоначальный способ образования прошедшего времени. Около пяти тысяч лет назад именно изменение гласного в корневой части слова было стандартным способом образования прошедшего времени. Впрочем, это пока мало говорит о том, что думали люди того времени.

Являются ли слова, используемые нами сегодня, подлинными окаменелостями человеческого словаря пятитысячелетней давности? Словарный список пролил бы свет на многие темные страницы прошлого. Как сказал лингвист Эдуард Сепир, «полный словарь языка может считаться комплексным реестром всех идей, интересов и занятий, которые привлекают внимание сообщества» [Sapir, 1912, p. 228]. На самом деле базовый словарь одного из языков, на которых люди разговаривали пять тысяч лет назад, реконструирован. Этот язык является предком современного английского, а также многих других современных и древних языков. Все эти языки, произошедшие от одного материнского языка, принадлежат к одной семье — семье индоевропейских языков. Сегодня на индоевропейских языках разговаривает около трех миллиардов человек — больше, чем на языках любой другой языковой семьи. Словарь материнского языка, именуемого праиндоевропейским, изучался в течение почти двух столетий, и на протяжении всего этого времени кипели жаркие споры практически по каждому из аспектов этих исследований.

Но разногласия порождают не только жар, но и свет. В этой книге доказывается, что в настоящее время можно разрешить основную головоломку, связанную с праиндоевропейским языком: кто, где и когда говорил на нем. Целые поколения археологов и лингвистов ожесточенно спорили по вопросу о «родине» этого языка. Многие сомневались в самой целесообразности его рассмотрения. В прошлом националисты и диктаторы настаивали на том, что родина расположена в их стране и это делает их высшей «расой». Но сегодня лингвисты, занимающиеся индоевропейски-

ми языками, усовершенствуют свои методы и делают новые открытия. Они реконструировали основные формы и значения тысяч слов праиндоевропейского словаря, что само по себе является замечательным достижением. Эти слова могут анализироваться для описания мыслей, ценностей, интересов, семейных отношений и религиозных верований людей, которые их произносили. Но сначала нужно выяснить, где и когда они жили. Если нам удастся объединить праиндоевропейский словарь с определенным рядом археологических находок, нам, возможно, удастся преодолеть обычные границы археологии и достичь гораздо более полного знания об этих конкретных наших предках.

Как и многие другие, я считаю, что родина праиндоевропейцев лежит в степях к северу от Черного и Каспийского морей, на территории современных Украины и России. Аргументы в пользу этой точки зрения сегодня более вески, чем в прошлом — отчасти благодаря поразительным археологическим открытиям, сделанным недавно в степях. Чтобы понять важность степи в качестве прародины индоевропейцев, требуется перенестись в сложный и волнующий мир степной археологии. На языке русской агрикультуры степь означает пустую равнину. Степи похожи на прерии Северной Америки: однообразное море травы, граничащее с огромным, величественным небом. Непрерывная полоса степей тянется от Восточной Европы на западе (ее конец лежит между Одессой и Бухарестом) до Великой китайской стены на востоке, образуя засушливый коридор протяженностью в семь тысяч километров, который пересекает центр Евразийского континента. В течение тысячелетий это необъятное пространство служило надежным барьером, встававшим на пути трансляции идей и технологий. Как и североамериканская прерия, эта среда недружелюбна для людей, путешествующих пешком. И так же как в Северной Америке, ключом, открывшим доступ к этому пространству, стала лошадь, которую в евразийских степях сопровождали другие одомашненные травоядные — овцы и крупный рогатый скот: с их помощью трава превратилась в полезный для человека продукт. Со временем люди, которые ездили на лошадях и пасли скот, обзавелись колесом и приобрели возможность следовать за своими лошадьми почти куда угодно, используя тяжелые повозки для транспортировки своих жилищ и провианта. Изолированные доисторические общества Китая и Европы стали догадываться об обоюдном существо-

вании только после одомашнивания лошади и изобретения крытой повозки. Вместе эти две инновации в области транспортировки сделали жизнь обитателей евразийских степей прогнозируемой и продуктивной. Открытие степи — ее превращение из враждебного экологического барьера в коридор для трансконтинентальной коммуникации — навсегда изменило динамику евразийской истории и, как утверждает автор этой книги, сыграло важную роль в первой экспансии индоевропейских языков.

ЛИНГВИСТЫ И ШОВИНИСТЫ

Индоевропейская проблема была сформулирована одной знаменитой фразой сэра Уильяма Джонса, британского судьи в Индии, в 1786 году. К моменту, когда он сделал это открытие, Джонс был уже широко известен. Пятнадцатью годами ранее, в 1771 году, его «Грамматика персидского языка» стала первым английским справочником по языку персидских царей и обеспечила своему автору, всего 25 лет от роду, репутацию одного из наиболее авторитетных европейских лингвистов. Его переводы средневековой персидской поэзии вдохновляли Байрона, Шелли и европейских романтиков. Из уважаемого уэльского барристера он превратился в корреспондента, учителя и друга многих известнейших лиц королевства. В 37 лет он был назначен одним из трех судей первого Верховного суда Бенгалии. Его прибытие в Калькутту — загадочное и неведомое место для англичан того времени — стало первым шагом в установлении королевской власти над жизненно важной, но ненадежной купеческой колонией. Джонс должен был урегулировать и произвол английских купцов, и права и обязанности индусов. Но если английские купцы по крайней мере признавали его юридические полномочия, индусы подчинялись древней системе индуистского права, положения которого постоянно цитировалось в судах индуистскими знатоками права, или пандитами (отсюда происходит наш термин *pundit*, «ученый муж»). Английские судьи не могли понять, существуют ли в действительности цитируемые пандитами законы. Языком официальных индуистских текстов служил санскрит, выполнявший ту же роль, что и латынь для английского права. Чтобы объединить две юридические системы, один из судей нового Верховного суда должен был выучить санскрит. Им стал Джонс.

Он отправился в древний индийский университет в Надие, купил там дом, нашел на факультете уважаемого и готового удовлетворить его просьбу пандита (Рамалокану) и погрузился в изучение индуистских текстов. В их числе были «Веды», сборники древнеиндийских священных писаний, которые стоят у истоков индуистской религии. Самый древний из них, «Ригведа», был составлен задолго до рождения Будды, более двух тысяч лет назад, но никто точно не знал его возраст. Пока Джонс изучал тексты на санскрите, он мысленно сравнивал его не только с персидским и английским, но и с латинским и древнегреческим — краеугольными камнями университетского образования XVIII века, готским — древнейшей литературной формой немецкого, который он тоже знал, и валлийским — кельтским наречием и языком его детства, который он не забыл. В 1786 году, через три года после приезда в Калькутту, Джонс пришел к поразительному заключению, о котором заявил в своей третьей ежегодной речи в Азиатском обществе Бенгалии, основанном им по прибытии. Ключевая фраза из этого выступления цитируется сегодня в каждом учебнике по историческому языкознанию:

Независимо от того, насколько древен санскрит, он обладает удивительной структурой. Он более совершенен, чем греческий язык, более богат, чем латинский, и более изыскан, чем каждый из них, и в то же время он носит столь близкое сходство с этими двумя языками, как в корнях глаголов, так и в грамматических формах, что оно вряд ли может быть случайностью; это сходство так велико, что ни один филолог, который занялся бы исследованием этих языков, не смог бы не поверить тому, что они произошли из общего источника, которого уже не существует [Кочергина, 2001].

Джонс пришел к выводу, что санскрит имеет общее происхождение с греческим и латинским, классическими языками европейской цивилизации. Он добавил, что персидский, кельтский и немецкий, возможно, принадлежат к той же языковой семье. Европейские ученые были ошеломлены. Оккупанты Индии, с давних пор воспринимаемой как квинтэссенция азиатской экзотики, оказались давно потерявшимися кузенами. Если греческий, латинский и санскрит родственны и происходят от одного древнего праязыка, то что это за язык? Где на нем разговаривали? И кто? При каких исторических обстоятельствах он породил дочерние язы-

ки, которые заняли господствующее положение от Шотландии до Индии?

Эти вопросы получили особенно глубокий отклик в Германии, где всеобщий интерес к истории немецкого языка и истокам германских традиций перерастал в движение романтиков. Романтики хотели избавиться от холодной, искусственной логики Просвещения, чтобы вернуться к истокам простой и подлинной жизни, основанной на непосредственном опыте и общности народа. Томас Манн как-то сказал об одном романтическом философе (Шлегеле), что его мышление было слишком инфицировано разумом и поэтому он был плохим романтиком. Есть историческая ирония в том, что Уильям Джонс повлиял на это движение, потому что его философия была совершенно другой: «Человеческая раса... не может быть долго счастлива без добродетели, деятельно добродетельна без свободы и в полной мере свободна без рационального знания» [Cannon, 1995, p. 28–29]. Но Джонс способствовал изучению древних языков, а древние языки играли ключевую роль в романтической теории аутентичного опыта. В 1780-х годах Иоганн Готфрид Гердер выдвинул теорию, позднее развитую фон Гумбольдтом и доработанную в XX веке Витгенштейном, что язык устанавливает категории и различия, посредством которых люди наделяют мир значением. Каждый отдельный язык, таким образом, порождает замкнутую социальную общность, или «народ», и настолько тесно сопряжен с ее существованием, что по сути своей лишен смысла для внешнего наблюдателя. Язык рассматривался Гердером и фон Гумбольдтом как сосуд, который придает форму обществу и национальным идентичностям. Братья Гримм взялись собирать «подлинные» немецкие народные сказки, в то же время изучая немецкий язык в соответствии с романтическим убеждением, что язык и народная культура глубоко взаимосвязаны. В этой среде загадочный материнский язык, праиндоевропейский, оценивался не просто как язык, а как тигель, в котором зародилась западная цивилизация.

После публикации в 1859 году «Происхождения видов» Чарльза Дарвина романтическое убеждение, что язык является определяющим фактором национальной идентичности, было дополнено новыми эволюционными и биологическими идеями. Националисты воспользовались теорией естественного отбора, чтобы объяснить, почему некоторые расы или «народы» управляют други-

ми, почему некоторые из них более «приспособлены», чем другие. Сам Дарвин никогда не применял свою теорию приспособления и естественного отбора к таким неопределенным вещам, как расы или языки, но это не помешало далеким от науки оппортунистам вести разговоры о том, что менее «приспособленные» расы являются источником генетической слабости и варварства, которые могут инфицировать и ослабить высшие качества более «приспособленных» рас. Эта токсичная смесь псевдонауки и романтизма вскоре породила собственные новые идеологии. Язык, культура и дарвинистское понимание расы были смешаны, чтобы объяснить высшую биологически-духовно-лингвистическую сущность северо-европейцев, которые проводили эти самодовольные исследования. Их тексты и выступления побуждали людей видеть в себе членов давно установившихся, биологически-лингвистических наций и поэтому широко продвигались в системах национальных школ и в национальных газетах формирующихся национальных государств Европы. Политика, которая вынуждала валлийцев (включая сэра Уильяма Джонса) говорить по-английски, а бретонцев — по-французски, была связана со стремлением политиков установить древнюю и «чистую» национальную родословную для каждого нового государства. Древние носители праиндоевропейского языка вскоре были превращены в далеких прародителей этих расово-лингвистически-национальных стереотипов [Poliakov, 1974, p. 188–214].

Праиндоевропейский язык как лингвистическая проблема превратился в «праиндоевропейцев» — биологическую популяцию с определенной ментальностью и личными качествами: «высокую, стройную, светлокожую, белокурую расу, превосходящую все прочие народы, со спокойным и твердым характером, целеустремленную, интеллектуально одаренную, практически с идеальным отношением к миру и жизни в целом» [Veit, 1989, p. 38]. Их начали называть арийцами, поскольку авторы «Ригведы» и «Авесты» — древнейших религиозных текстов на санскрите и персидском — называли себя ариями. Эти арии жили на территории Ирана и точнее — в Афганистане, Пакистане и Индии. Термин «арии» применим только к этой, индоиранской, ветви индоевропейской языковой семьи. Но в XIX веке «Веды», недавно открытые, были предметом мистической завороченности, и в викторианских гостиных слово «арии» скоро распространилось за свои корректные языковые и географические границы. «Конец великой расы» Мэ-

дисона Гранта стал в США бестселлером и опасным предостережением против разжижения крови американцев высшего, арийского происхождения (под которыми он понимал потомков британских, шотландских, ирландских и немецких поселенцев первоначальных тринадцати колоний) путем смешения с «низшими расами» иммигрантов, в число которых он включал поляков, чехов, итальянцев, а также евреев — причем все они говорили на индоевропейских языках (идиш является германским языком по своей основной грамматике и морфологии) [Grant, 1916].

Брешь, через которую слово «арии» вышло за пределы Ирана и Индийского субконтинента, была предложена самой «Ригведой»: некоторые исследователи нашли в ней фрагменты, которые, казалось, описывают ведических ариев как завоевателей, покоривших Пенджаб¹. Но откуда они пришли? Начались лихорадочные поиски «родины ариев». Сэр Уильям Джонс считал, что она находится в Иране. В начале XIX века популярной кандидатурой были Гималайские горы, но скоро стали активно обсуждаться и другие места. Любители и профессионалы включились в поиски — многие в надежде найти родину ариев в собственной стране. В 1910-х годах немецкий ученый Густав Коссинна попытался на основании археологических данных доказать, что родина ариев лежит в северной Европе — фактически в Германии. Коссинна иллюстрировал доисторические миграции «индогерманских» арийцев с помощью четких черных стрелок, устремленных на восток, запад и юг от предполагаемой арийской родины. Менее чем через тридцать лет путями, отмеченными карандашом историка, двинулись армии (о нацистских устремлениях арийской археологии см.: [Arnold, 1990]).

Проблема происхождения индоевропейцев практически с самого начала приобрела политическую окраску. Она стала привлекаться в националистических и шовинистических интересах, питать опасные фантазии о расовом превосходстве арийцев и исследоваться в ходе археологических раскопок, финансируемых национал-социалистами. Сегодня индоевропейским прошлым продолжа-

---

¹ О фрагментах, говорящих в пользу «внешнего происхождения» см.: [Witzel, 1995]. Об аргументах в пользу «внутреннего происхождения» см. статьи Николаса Казанаса: *Journal of Indo-European Studies*. Vol. 30. No. 3–4 (2002); Vol. 31. No. 1–2 (2003).

ют манипулировать представители различных идеологий и культов. В книгах так называемого «движения Богини» («Цивилизация Богини» Марии Гимбутас, «Чаша и кровь» Райана Эйслера) древние «индоевропейцы» изображаются в археологических драмах не как белокурые герои, а как патриархальные, воинственные захватчики, которые уничтожили утопический доисторический мир женского согласия и красоты. В России некоторые современные националистические группы и неоязыческие движения заявляют о прямой связи между ними как славянами и древними «ариями». В США сторонники превосходства белых называют себя арийцами. Исторически арии действительно существовали — именно они создали «Ригведу» и «Авесту», — но это были племена, которые жили в Иране, Афганистане и северной Индии в эпоху бронзы. Крайне сомнительно, что они были белокурыми и голубоглазыми, и они не имеют отношения к соперничающим расовым фантазиям современных фанатиков².

Ошибки, которые привели к тому, что неразрешимая лингвистическая загадка вылилась в расовый геноцид, были удручающе просты, и потому их с легкостью избежит любой, кто позаботится их избежать. Они состояли в приравнивании расы к языку и наделении превосходством определенных лингвистически-расовых групп. Видные лингвисты всегда выступали против обеих идей. В то время как Мартин Хайдеггер доказывал, что некоторые языки, а именно немецкий и греческий, являются уникальными сосудами для мыслей высшего рода, лингвист и антрополог Франц Боас возражал, что никакой язык нельзя назвать превосходящим другие, исходя из объективных критериев. Уже в 1872 году великий лингвист Макс Миллер заметил, что понятие «арийского черепа» не просто ненаучно, а антинаучно. Языки не бывают светлокожими и долихоцефальными. Но тогда как санскрит может быть связан со строением черепа? И как сами арии определяют «арийство»? Согласно их собственным текстам, они понимали «арийскость» как религиозно-языковую категорию. Некоторые санскритоговорящие вожди и даже поэты «Ригведы» носили такие имена, как Балбута и Брбу, чуждые санскриту. Эти люди имели неарийское

---

² О богинях и индоевропейцах см.: [Anthony, 1995*b*; Eisler, 1987; 1990; Gimbutas, 1989*a*; 1989*b*; Гимбутас, 2006]. О политике арийской идентичности в России см.: [Shnirelman, 1998; 1999].

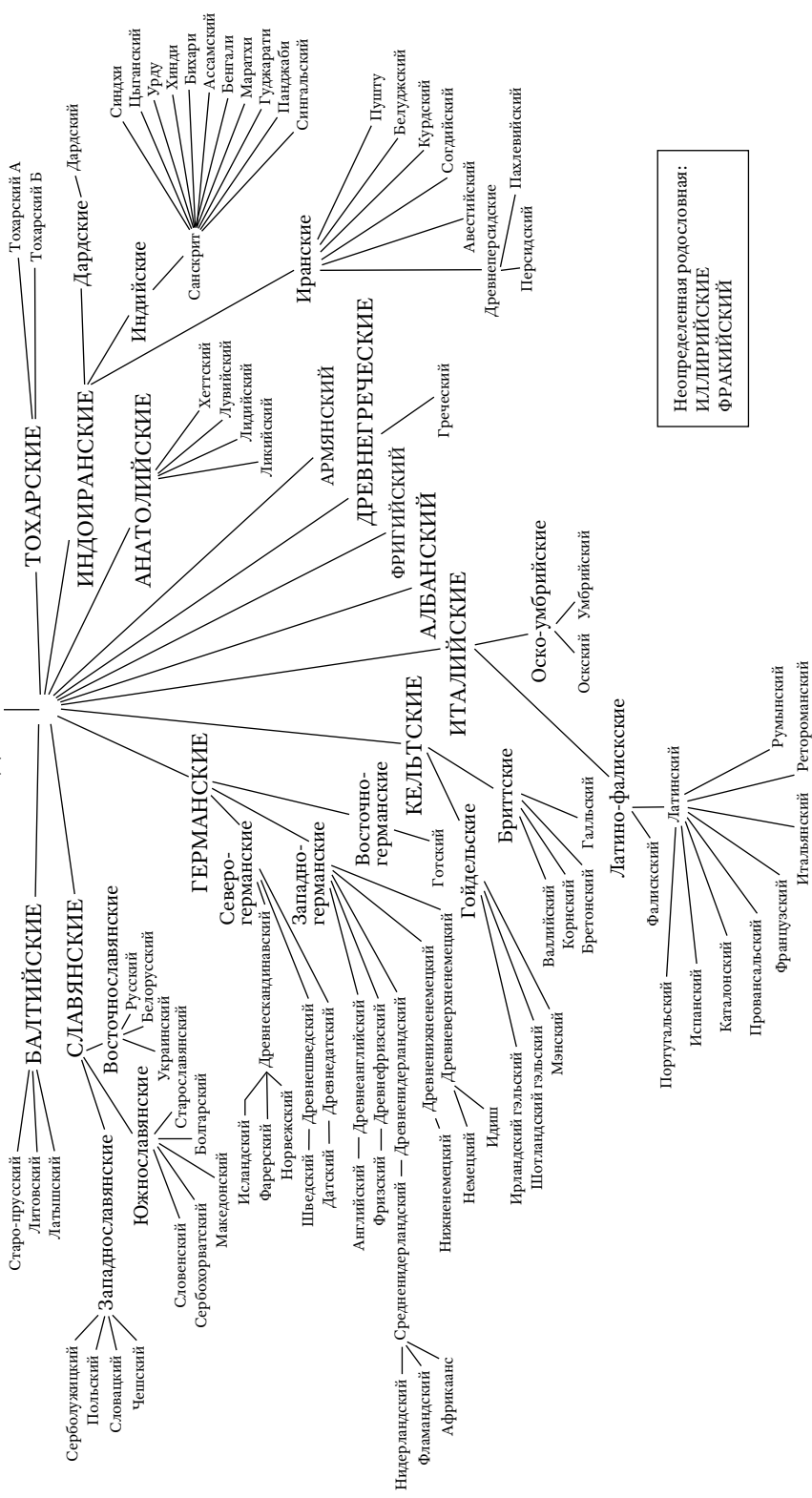
происхождение и тем не менее были лидерами ариев. Так что даже арии «Ригведы» не были генетически «чисты» — что бы это ни означало. «Ригведа» являлась ритуальным каноном, а не расовым манифестом. Если вы приносите правильные жертвоприношения правильным богам, что предполагает произнесение традиционных молитв на традиционном языке, то вы арий, в противном случае — нет. «Ригведа» определяла этот ритуальный и лингвистический барьер, но вовсе не требовала расовой чистоты и даже ее не рассматривала [Хайдеггер, 1997; Voaz, 1911; Kuiper, 1948; 1991].

Всякая попытка разрешить индоевропейскую проблему должна начинаться с понимания того, что термин «праиндоевропейцы» относится к языковой общности, и после этого двигаться дальше. Невозможно каким-либо предсказуемым способом связать расу с языком, поэтому невозможно перейти от языка к расе или от расы к языку. Раса — понятие расплывчатое: разными группами людей границы между расами определяются по-разному, и, поскольку эти определения имеют культурный характер, ученые не в состоянии описать «истинную» границу между двумя расами. При этом археологи определяют расы совершенно иначе, основываясь на особенностях строения черепа и зубов, которые у живого человека часто незаметны. Но как бы ни определялась раса, языки обычно не распределяются по расам: любая расовая группа говорит на множестве разных языков. Поэтому форма черепа почти не имеет отношения к лингвистической проблематике. Языки и гены соответствуют друг другу лишь в исключительных обстоятельствах, обычно связанных с четкими географическими барьерами вроде огромных горных хребтов или морей — да и то не всегда [Harding, Sokal, 1988]. Мигрирующая популяция не обязательно была генетически однородной, даже если она состояла почти исключительно из представителей одной диалектной группы. Всякий, кто проводит прямую связь между языком и генами без упоминания географической изоляции или иных особых условий, в корне ошибается.

СОБЛАЗН МАТЕРИНСКОГО ЯЗЫКА

Единственный аспект индоевропейской проблемы, который получил ответ, устроивший почти всех, заключается в том, как определить языковую семью, как решить, какой язык принадлежит индоевропейской семье, а какой нет. В XIX веке люди, стремившиеся

ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ

Неопределенная родостовная:
ИЛЛИРИЙСКИЕ
ФРАКИЙСКИЕ

решить эту проблему, создали науку под названием лингвистика. Их основные интересы были связаны со сравнительной грамматикой, системой звуков и синтаксисом, которые дали основу для классификации языков, их разделения на типы и определения отношений между человеческими языками. До них такого никто не делал. Они разделили индоевропейскую языковую семью на двенадцать главных ветвей, характеризующихся новациями в фонетике, или произношении, и морфологии, или форме слов, которые лежат в основе каждой ветви и присутствуют во всех ее языках (рис. 1.1). Двенадцать ветвей индоевропейской языковой семьи включали большую часть языков Европы (но не баскский, финский, эстонский и венгерский), персидский язык Ирана, санскрит и его современные дочерние языки (прежде всего хинди и урду), а также ряд исчезнувших языков, включая хеттский язык древней Анатолии (на территории современной Турции) и тохарский язык пустынь Синьцзяна (на северо-западе Китая) (рис. 1.2). Методы анализа, разработанные филологами XIX века, используются сегодня для описания, классификации и объяснения языковых вариаций по всему миру.

Историческая лингвистика предлагает нам не просто статичную классификацию, но также возможность по крайней мере частично реконструировать исчезнувшие языки, от которых не дошло никаких письменных свидетельств. Методы, которые сделали это возможным, базируются на закономерностях, согласно которым меняются звуки человеческой речи. Если, например, собрать слова из разных ветвей одной языковой семьи, обозначающие числительное «сто», и сравнить их, то можно применить множество правил изменения звуков, чтобы понять, могут ли все они быть получены путем регулярных изменений одного гипотетического слова-предка, лежащего в основе всех ветвей. Доказательством того, что латинское *kentum* («сто») в итальянской ветви и литовское *shimtas* («сто») в балтийской ветви генетически родственны,

---

РИС. 1.1. Двенадцать ветвей индоевропейской языковой семьи. Балтийская и славянская ветви иногда объединяются в одну, подобно индоиранской, а фригийский язык иногда исключается, поскольку о нем очень мало известно, как и об иллирийских и фракийском. Если принять эти две поправки, то ветвей будет десять. Настоящая диаграмма схематично изображает основные отношения и не представляет полную историю языков

РИС. 1.2. Примерное географическое расположение основных ветвей индоевропейских языков около 400 года до н.э.

служит конструкция предкового корня **kʷntom-*. Дочерние формы сравниваются звук за звуком, с рассмотрением каждого звука в каждом слове каждой ветви, чтобы понять, могут ли они сойтись в одной-единственной серии звуков, которая могла эволюционировать во все эти формы согласно известным правилам (я объясню, как это делается, в следующей главе). Эта исходная серия звуков, если она может быть найдена, служит доказательством того, что сравниваемые термины генетически родственны. Реконструированный корень является итогом последовательного сравнения.

Лингвисты реконструировали звуки более полутора тысяч праиндоевропейских корней слов³. Реконструкции очень разнятся по степени надежности, поскольку зависят от сохранившихся лингвистических данных. С другой стороны, в результате археологических раскопок были найдены надписи на хеттском, микенском греческом и древнегерманском языках, которые содержат ранее неизвестные слова, демонстрирующие те самые звуки, которые были реконструированы лингвистами-компаративистами. То, что лингвисты точно предсказали звуки и буквы, позднее обнаруженные

³ «Американский словарь наследия английского языка» содержит 1300 уникальных праиндоевропейских корней, перечисленных в приложении. Но множество реконструированных слов образовано из одних и тех же корневых морфем. Количество реконструированных слов с разными значениями гораздо выше, чем количество уникальных корней.

на древних надписях, доказывает, что их реконструкции не являются чисто теоретическими. Если мы и не можем рассматривать реконструированный праиндоевропейский язык как в буквальном смысле «реальный», он, по крайней мере, очень близок доисторической реальности.

Открытие даже фрагментов праиндоевропейского языка — выдающееся достижение, учитывая, что на нем говорили люди, не знавшие письменности, много тысяч лет назад, и этот язык никогда не был записан. Хотя грамматика и морфология праиндоевропейского языка особенно важны с точки зрения типологических исследований, для археологов самым многообещающим открытием является именно реконструированный словарь, или лексикон. Этот словарь служит окном в окружающую среду, общественную жизнь и верования носителей праиндоевропейского языка.

Так, весьма надежные лексические реконструкции показывают, что праиндоевропейский язык содержал слова, обозначающие таких диких зверей, как выдра, бобр, волк, рысь, лось, благородный олень, лошадь, мышь, заяц и еж; таких птиц, как гусь, журавль, утка и орел; пчелу и мед; таких домашних животных, как корова (а также бык и вол), овца (а также шерсть и ткачество), свинья (а также кабан, боров и поросенок). Лошадь совершенно точно была известна носителям праиндоевропейского языка, но одних лексических свидетельств недостаточно, чтобы определить, была ли он одомашнена. Все эти лексические свидетельства должны быть подтверждены путем сопоставления с археологическими находками, что позволило бы реконструировать окружающую среду, экономику и экологию праиндоевропейского мира.

Однако реконструированный лексикон содержит гораздо больше, в том числе группы слов, показывающие, что носители праиндоевропейского языка наследовали свои права и обязанности только по отцовской линии (патрилинейное наследование); вероятно, после заключения брака жили в семье мужа (патрилокальное поселение); признавали авторитет вождей, покровительствовавших и оказывавших гостеприимство зависимым от них лицам; возможно, имели специально организованные военные отряды; практиковали ритуальные жертвоприношения крупного рогатого скота и лошадей; использовали повозки; поклонялись божеству неба мужского рода; вероятно, по ритуальным причинам избегали произносить слово, означавшее медведя; придавали двойственное значение

понятию сакрального («то, что наполнено святостью», и «то, что запрещено»). Многие из этих практик и верований просто невозможно реконструировать методами археологии. Пралексикон дает надежду на открытие некоторых деталей повседневных ритуалов и обычаев, которые археологические свидетельства сами по себе обычно предоставить не могут. Вот почему решение индоевропейской проблемы так важно для археологов, а также всех тех, кто хотел бы чуть лучше узнать наших предков.

НОВОЕ РЕШЕНИЕ СТАРОЙ ПРОБЛЕМЫ

Почти двести лет лингвисты работают над культурно-лексическими реконструкциями праиндоевропейского языка. Археологи спорят об археологической идентичности этого языка по меньшей мере сто лет — возможно, с меньшим успехом, чем лингвисты. Проблема индоевропейских корней переплетается с интеллектуальной и политической историей Европы значительно более столетия. Так почему до сих пор не достигнут приемлемый большинством союз между археологическими и лингвистическими свидетельствами?

На пути этого союза встают шесть больших проблем. Одна из них связана с тем, что интеллектуальный климат в западном академическом мире последнего времени заставил многих серьезных людей усомниться в самой идее праязыка. Современный мир был свидетелем прогрессирующего культурного синтеза в музыке (совместные записи группы *Black Ladysmith Mombasa* и Пола Саймона, Паваротти и Стинга), искусстве (постмодернистская эклектика), информационных услугах (*News-Gossip*), смешении популяций (международная миграция достигла рекордного уровня) и языке (большинство людей в мире сегодня двуязычны или трехязычны). По мере того как в 1980-е годы рос интерес к культурной конвергенции, вдумчивые ученые начали переосмыслять языки и культуры, которые ранее интерпретировались как отдельные, индивидуальные явления. Даже обычные языки стали рассматриваться как креольские, объединившие множественные по своему происхождению говоры. В области индоевропейских исследований это движение породило сомнения в самой концепции языковых семей и иллюстрирующей их модели ветвящегося древа, так что некоторые авторы стали считать заблуждением поиск праязыка. Многие спи-

сывали сходства между индоевропейскими языками за счет конвергенции между языками-соседями, имеющими разное историческое происхождение, предполагая, что единого праязыка никогда не существовало⁴.

В значительной части это были творчески изобретательные, но неопределенные спекуляции. В настоящее время лингвисты установили, что сходства между индоевропейскими языками далеки от тех, которые возникают в результате креолизации и конвергенции. Ни один из индоевропейских языков не похож на креольский. По всей видимости, индоевропейские языки замещали неиндоевропейские, вместо того чтобы скрещиваться с ними. Конечно, происходило межъязыковое заимствование, но оно не достигло предельного уровня смешения и структурного упрощения, наблюдаемого во всех креольских языках. Сходства между индоевропейскими языками, замеченные сэром Уильямом Джонсом, можно объяснить только их происхождением от общего праязыка. В этом пункте сходится большинство лингвистов.

Поэтому должна быть возможность использовать реконструированный праиндоевропейский словарь как путеводную нить, которая позволит выяснить, где и когда на нем говорили. Но тут встает другая проблема: многие археологи, в свою очередь, не верят, что можно с надежностью реконструировать какую-либо часть праиндоевропейского лексикона, и не признают реальность реконструированного словаря. Это лишает нас принципиального довода в пользу поиска истоков индоевропейских языков и одного из наиболее ценных инструментов такого поиска. В следующей главе я приведу аргументы в защиту сравнительной лингвистики, короткое объяснение того, как она работает, и руководство по интерпретации реконструированного словаря.

Третья проблема состоит в том, что археологи не могут сойтись относительно древности праиндоевропейского языка. Одни говорят, что на нем говорили восемь тысяч лет до н.э., другие — что не далее, чем две тысячи лет до н.э., а третьи считают его абстракцией, которая существует разве что в умах лингвистов и потому не относится ни к какому конкретному времени. Это, разуме-

---

⁴ О сомнениях относительно праязыков и лингвистических схем ветвления см.: [Stewart, 1976]. О креолизации и конвергенции, породивших праиндоевропейский язык см.: [Renfrew, 1987, p. 78–86; Robb, 1991; Sherratt, Sherratt, 1988].

ется, исключает возможность сосредоточиться на определенной эпохе. Но основной причиной этого хронического разногласия является то, что большинство археологов не обращают особого внимания на лингвистов. Некоторые предлагают решения, которые вступают в противоречие с множеством лингвистических свидетельств. Решив вторую проблему, связанную с вопросом о надежности и реальности, мы значительно приблизимся к решению третьей проблемы — вопросу «когда», — ответу на который посвящены третья и четвертая главы настоящей книги.

Четвертая проблема заключается в том, что археологические методы слабо развиты как раз в тех областях, которые наиболее существенны для изучения истоков индоевропейского языка. Большинство археологов полагают невозможным отождествление доисторических языковых групп с археологическими артефактами, поскольку язык не находит последовательного отражения в материальной культуре. Люди, говорящие на разных языках, могут использовать одинаковые дома и посуду, а люди, говорящие на одном языке, могут использовать посуду и дома разного типа. Но мне кажется, что при определенных условиях язык и культура могут быть надежно связаны. Если мы видим *очень четкую* материально-культурную границу — не только другую посуду, но и другие дома, могилы, кладбища, планировку поселений, символы, еду и костюмы, — которая *сохраняется* веками или тысячелетиями, то скорее всего она совпадает с языковой границей. Такое встречается не везде. Более того, подобные *этнолингвистические* границы представляются редкостью. Но там, где прочная материально-культурная граница сохраняется сотнями, а то и тысячами лет, язык обычно с нею коррелирует. Этот принцип позволяет нам идентифицировать по крайней мере *некоторые* лингвистические границы на карте чисто археологических культур, что является решительным шагом в поиске родины праиндоевропейского языка.

Еще одна слабая сторона современной археологической теории — в том, что археологи вообще не очень хорошо понимают ход миграции, а миграция является важным вектором изменения языка — конечно, не единственным, но важным. До Второй мировой войны миграция использовалась археологами как простое объяснение любой трансформации, наблюдаемой в доисторических культурах: если сосуд типа «А» в первом слое сменяет сосуд типа «Б» во втором слое, это объясняется миграцией народа «Б». Последу-

ющее поколение археологов, установивших множество *внутренних* катализаторов изменения, показало всю неадекватность этой простой гипотезы. Было показано, что перемены в типологии артефактов вызываются изменениями масштаба и сложности общественных образований, экономическими переменами, реорганизацией способов управления ремеслами, изменением социальной функции ремесел, техническими новациями, появлением новых предметов потребления путем торговли и обмена и т.д. «Горшки — это не люди» — вот правило, которому, начиная с 1960-х годов, учат каждого студента-археолога. В 1970–1980-х годах миграция полностью исчезла из исследовательского инструментария археологов. Но миграция является крайне важной составляющей человеческого поведения, и невозможно понять индоевропейскую проблему, если игнорировать миграцию или воображать, будто в прошлом она была неважна. Я пытаюсь воспользоваться современной теорией миграции, чтобы понять доисторические миграции и их возможную роль в изменении языка (обсуждению этих проблем посвящена шестая глава).

Пятая проблема касается родины праиндоевропейского языка, которая, как я доказываю в этой книге, находилась в степях России и Украины. Результаты последних исследований в области степной археологии опубликованы в малодоступных журналах и книгах, на языках, которые понимают относительно немногие западные археологи, и в нарративной форме, напоминающей западным исследователям прежнюю археологию из серии «горшки — это люди» пятидесятилетней давности. Я пытался освоить эту литературу на протяжении двадцати пяти лет; мои успехи ограничены, но могу сказать, что советская и постсоветская археология не является простым повторением какой-либо фазы западной археологии: она обладает своей особой историей и исходными посылками. Во второй части этой книги я предлагаю выборочный и неизбежно несовершенный синтез археологических исследований степной зоны России, Украины и Казахстана, имеющих непосредственное отношение к вопросу о природе и идентичности ранних носителей индоевропейских языков.

Последняя, шестая проблема возникает под аккомпанемент конских копыт. Более ста лет назад ученые обратили внимание на то, что древнейшие из индоевропейских языков, от которых дошло достаточное количество письменных источников, — хеттский, ми-

кенский греческий и самая ранняя форма санскрита, или древнеиндийского, — были языками милитаристских обществ, которые словно ворвались в античный мир на колесницах, увлекаемых быстроногими лошадьми. Возможно, индоевропейцы изобрели колесницы. Возможно, они были первыми, кто одомашнил лошадей. Не объясняет ли это первоначальную экспансию индоевропейских языков? Примерно на протяжении тысячелетия, между 1700 и 700 годами до н.э., колесницы были излюбленным оружием царей и фараонов всего Древнего мира, от Греции до Китая. В дворцовых списках военного снаряжения, в описаниях сражений и в гордых перечнях военных трофеев упоминается множество колесниц — десятки, а то и сотни. После 800 года до н.э. колесницы стали постепенно выходить из обращения, поскольку оказались уязвимыми перед новым вооружением, применяемым дисциплинированными отрядами конных лучников — древнейшей кавалерией. Если носители индоевропейских языков были первыми, кто имел колесницы, это объяснило бы их экспансию; если они были первыми, кто одомашнил лошадей, это объяснило бы ключевую роль, которую играли лошади как символы силы и власти в ритуалах древнеиндийских ариев, греков, хеттов и других индоевропейских народов.

Но до недавнего времени было трудно или невозможно определить, когда и где были одомашнены лошади. Одомашнивание лошади оставило очень мало следов на конском скелете, а все, что осталось от древних лошадей, — это их кости. Более десяти лет я работал над решением этой проблемы вместе со своей женой и одновременно коллегой по научной работе Доркас Браун, и мы считаем, что теперь нам известно, где и когда люди начали держать табуны одомашненных лошадей. Мы также считаем, что в степях верховая езда на лошади возникла задолго до изобретения колесниц, несмотря на тот факт, что колесница предшествовала кавалерии в войнах организованных государств и монархий древнего мира.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЕ

Люди, говорившие на праиндоевропейском языке, жили в решающее время в стратегически важном месте. Их положение позволило им воспользоваться инновациями в транспортировке, важнейшими из которых стали верховая езда на лошади и изобретение колесного транспорта. Они отнюдь не превосходили своих соседей:

сохранившиеся свидетельства показывают, что их экономика, технологии и социальная организация были проще, чем у их западных и южных соседей. Экспансия их языка не была единичным событием и не объяснялась одной причиной. Тем не менее этот язык распространился и модифицировался, дав начало дочерним языкам, включая английский, на которых говорят по сей день. В то время как индоевропейские языки распространялись, многие другие языковые семьи вымерли. Возможно, утрата языкового разнообразия, к которой привело это вымирание, сузила способы восприятия и понимания в современном мире. Так, например, все индоевропейские языки заставляют нас, когда мы говорим о каком-то действии, обращать внимание на грамматическое время и число: *требуется* указать, является ли это действие прошлым, настоящим или будущим, и совершается ли оно одним лицом или многими. Невозможно использовать индоевропейский глагол, не определив эти категории. Соответственно, носители индоевропейских языков привычно классифицируют все события, исходя из того, когда они происходят и задействовано ли в них несколько лиц. Ряд других языковых семей *не требуют* от говорящего обращаться к этим категориям, когда он говорит о действии, так что время и число могут оставаться неопределенными.

В то же время другие языковые семьи требуют, чтобы постоянно определялись и использовались другие аспекты реальности. Например, описывая событие или состояние на языке хопи, нужно использовать грамматические маркеры, которые указывают, был ли ты сам свидетелем этого события, услышал о нем от кого-то другого или это неизменная истина. Грамматика хопи заставляет носителей этого языка привычно классифицировать все описания реальности, исходя из источника и надежности сообщаемой информации. Неизменное и автоматическое использование таких категорий порождает такие привычки восприятия и организации опыта, которые, вероятно, отличают людей, использующих принципиально разные грамматики [Lakoff, 1987, p. 328–337]. В этом смысле распространение индоевропейских грамматик, возможно, сократило разнообразие типов человеческого восприятия. Возможно также, что оно заставляет автора этой книги оформлять свои наблюдения и мысли способом, который повторяет привычки восприятия и категории небольшой группы людей, жившей в евразийских степях более пяти тысяч лет назад.

Глава 2

Как реконструировать мертвый язык

КАК язык общения праиндоевропейский язык мертв по меньшей мере 4,5 тысячелетия. Люди, которые говорили на этом языке, не знали письменности, поэтому надписей на нем нет. Однако в 1868 году Август Шлейхер смог написать рассказ на реконструированном праиндоевропейском под названием «Овца и лошади» (*Avis akvasas ka*). В 1939 году Герман Хирт отредактировал его с учетом новой интерпретации праиндоевропейской фонетики, и название поменялось на *Owis ek'woses-k^we*. В 1979 году Уинфред Леман и Ладислав Згуста предложили совсем небольшие изменения в своей версии, *Owis ekwosk^we*. Если лингвисты в подобных упражнениях все больше внимания уделяют мельчайшим деталям произношения, большинство людей изумляет сама возможность сказать нечто о языке, который умер, не оставив после себя никаких письменных свидетельств. А изумление, разумеется, состоит в близком родстве с подозрением. Может быть, лингвисты обсуждают некую фантазию? Как они могут быть уверены в правильности своей реконструкции в отсутствие подкрепляющих документальных свидетельств?¹

---

¹ Вот текст этого рассказа: «Овца с остриженной шерстью увидела несколько лошадей, одна из которых везла тяжелую телегу, другая несла большой груз, а на третьей верхом ехал человек. Овца сказала лошадям: “Мне больно [букв. “у меня сжимается сердце”], когда я вижу, как человек ездит на лошадях”. Лошади сказали: “Послушай, овца, нам больно, когда мы видим, как человек, этот господин, сделал себе теплую одежду из овечьей шерсти и у овцы больше нет шерсти”. Услышав это, овца убежала в поле». Невозможно с уверенностью реконструировать целые фразы наподобие этих на языке, известном лишь фрагментарно. Праиндоевропейские маркеры грамматических времен

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ»

основана в 2009 г. Валерием Анашвили

В серии вышли: <https://id.hse.ru/books/series/23835166>

Научное издание

Дэвид Энтони

**ЛОШАДЬ, КОЛЕСО И ЯЗЫК
КАК НАЕЗДНИКИ БРОНЗОВОГО ВЕКА
ИЗ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ СФОРМИРОВАЛИ
СОВРЕМЕННЫЙ МИР**

Зав. книжной редакцией ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор КОНСТАНТИН ЗАЛЕССКИЙ

Верстка: ЛЮБОВЬ МАЛИКИНА

Корректор ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

Дизайн обложек серии: ABCdesign

ПОЛИНА ЛАУФЕР,

ТАТЬЯНА БОРИСОВА

Дизайн блока серии: СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг

обращайтесь в отдел реализации

Тел.: +7 499 611-24-16, +7 495 624-40-27

bookmarket@hse.ru

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: +7 495 624-40-27

Подписано в печать 12.01.2023. Формат 60×100/16

Усл. печ. л. 46,6. Уч.-изд. л. 37,8. Печать струйная ролевая

Тираж 1000 экз. Изд. № 2557. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: +7 499 270-73-59